

Карел Чапек
Беспорное доказательство

— Видишь ли. Тоник, — сказал следователь Матес своему лучшему другу. — Это дело опыта — я лично не верю никаким оправданиям, никакому алиби, никаким словам; не верю ни обвиняемому, ни свидетелям. Человек лжет, сам того не желая. Например, свидетель клянется, что не питает никакой вражды к обвиняемому, и сам при этом не понимает, что где-то, в глубине души ненавидит его из скрытой зависти или из ревности. А уж показания обвиняемого всегда заранее продуманы и подстроены. Свидетель же в своих показаниях может исходить из сознательного или неосознанного стремления вырвать или утопить обвиняемого. Я всех их знаю, голубчик; человек — существо лживое.

Чему же я верю? Случайностям, Тоник! Этаким произвольным, безотчетным, я бы сказал импульсивным побуждениям, поступкам или высказываниям, которые бывают свойственны всякому. Все можно изобразить и фальсифицировать, всюду царит притворство или умысел, только не в случайностях, их видно сразу. У меня такой метод: я сижу и даю человеку выболтать все, что он заранее придумал, делаю вид, что верю ему, даже помогаю выговориться и жду, когда у него сорвется случайное, невольное словечко. Для этого надо быть психологом. Иные следователи стараются запутать обвиняемого, то и дело прерывают его, сбивают с толку, так что человек наконец сознается и в том, что он убил императрицу Елизавету. А я ищу полной ясности, хочу действовать наверняка. Вот почему я сижу и терпеливо выжидаю, пока среди упорного вранья и уверток, которые на юридическом языке называются показаниями, случайно мелькнет частица правды. Понимаешь ли, чистая правда в нашей юдоли слез открывается только по недосмотру, когда человек проговорится или сорвется.

Послушай, Тоник, у меня нет от тебя секретов, мы ведь друзья детства. Помнишь, как тебя выпороли, когда я разбил окно?... Никому бы я этого не сказал, а тебе откроюсь... Иной раз и мне хочется излиться. Я тебе расскажу, как этот мой метод оправдал себя в... в моей личной жизни, точнее говоря, в супружестве. А ты потом скажи мне, что я олух и хам, что так мне и надо!

Видишь ли... в общем, я подозревал свою жену Мартичку, словом, ревновал ее, как безумный. Мне почему-то взбрело в голову, что у нее роман с этим... с молодым... ну, назовем его Артуром. Ты его, кажется, даже не знаешь. погоди, я ведь не какой-нибудь мавр: знай я, что она его любит, я бы сказал: «Мартичка, давай разойдемся». Но вся беда была в том, что все ограничивалось одними сомнениями. Ты и не представляешь себе, что это за мука! Тяжелый был год! Знаешь ведь, какие глупости выкидывает ревнивый муж: выслеживает, подстерегает, допытывается у прислуги, устраивает сцены... Да еще учти, что я — следователь по профессии. Говорю тебе, моя семейная жизнь за последний год была сплошным перекрестным допросом, с утра и до поздней ночи.

Подследственная... я хочу сказать Мартичка, держалась превосходно. Она и плакала, и обиженно молчала, и подробно отчитывалась передо мной, где была и что делала в течение всего дня, а я все ждал, когда же она проговорится и выдаст себя. Сам понимаешь, лгала она часто, я хочу сказать, что лгала по привычке, как обычно все женщины. Женщина ведь не скажет тебе прямо, что провела два часа у модистки, она придумает, что ходила к зубному врачу или была на могиле покойной матушки. Чем больше я терзал ее ревностью — а ревнивый мужчина хуже бешеного пса, Тоник! — чем больше придирался, тем меньше у меня было уверенности в моих догадках. Десятки раз я перетолковывал и обдумывал каждое ее слово и отговорку, но не находил ничего, кроме обычных полуправд, из которых складываются нормальные человеческие отношения, а супружеские в особенности. Я знаю, как худо приходилось мне, но когда подумаю, что довелось вынести бедной Мартичке, то хочется надавать самому себе пощечин. Этим летом Мартичка поехала на курорт, во Франтишковы Лазни. У нее были какие-то женские недомогания, в общем выглядела она плохо. Я, конечно, устроил там за ней слежку, нанял одного мерзкого типа, который больше шляется по кабакам. Удивительно, какой нездоровой и гнилой становится вся жизнь, едва лишь что-то одно в ней оказывается не совсем в порядке. Запачкаешься в одном месте, и весь ты уже нечистый... В письмах Мартички ко мне чувствовалась какая-то неуверенность и запуганность, словно она не знала, что писать. А я, конечно, копался в этих письмах и все искал чего-то между строк. И вот однажды получаю от нее письмо, на конверте адрес: «Франтишку Матесу, следователю» и так далее. Вскрываю письмо, вынимаю листок и вижу обращение: «Дорогой Артур!»...

У меня и руки опустились. Вот оно, наконец! Так это и бывает: человек напишет несколько писем и перепутает конверты. Дурацкая случайность, а, Мартичка? Знаешь, мне даже стало жаль жену, что она так попалась.

Представь себе, Тоник, моим первым побуждением было вернуть Мартичке письмо, предназначенное... этому Артуру. При любых других обстоятельствах я так бы и поступил, но ревность — это гнусная и грязная страсть. Дружище, я прочитал это письмо и покажу тебе его, потому что с тех пор не расстаюсь с ним. Вот слушай:

"Милый Артур!

Не сердитесь, что я вам долго не отвечала, но я все тревожилась о Франци (это я, понимаешь?), по-моему что от него долго не было писем. Я знаю, что он очень занят, но когда долго не получаешь весточки от мужа, то ходишь словно сама не своя. Вы, Артур, этого не понимаете. В следующем месяце Франци приедет сюда, приехали бы и вы тоже! Он мне писал, что сейчас расследует какое-то очень интересное дело, но не сообщил подробностей. Я думаю, что это преступление Гуго Мюллера. Меня оно очень интересует. Очень жаль, что вы с Франци теперь не встречаетесь, но это только потому, что у него много работы. Будь у вас прежние отношения, вы могли бы иногда вытащить его в компанию или на автомобильную прогулку. Вы всегда были так внимательны к нам, вот и теперь не забываете, хотя, к сожалению, знакомство разладилось. Франци стал какой-то нервный и странный.

Вы даже не написали мне, как поживает ваша девушка. Франци жалуется, что в Праге жарница. Надо бы ему приехать сюда отдохнуть, а он наверняка день и ночь сидит на службе. А когда вы поедете к морю? Надеюсь, ваша девушка поедет с вами? Вы и не представляете себе, как для нас, женщин, трудна разлука с любимым человеком.

*Дружески вас приветствую,
Марта Матесова".*

Что скажешь, а, Тоник? Конечно, письмо не очень-то умное, просто даже мало интересное и написало безо всякого блеска. Но, друг мой, какой свет оно бросило на Мартичку и ее отношение к этому бедняге Артуру. Я никогда бы не поверил, если бы это говорила она сама. Но в руках у меня было такое непроизвольное, такое бесспорное доказательство. Вот, видишь, подлинная и бесспорная правда открывается только случайно! Мне хотелось плакать от радости... и от стыда за свою глупую ревность!

Что я сделал потом? Связал шпагатом все документы по делу Гуго Мюллера, запер их в письменный стол и через день был во Франтишковых Лазнях. Мартичка, увидев меня, зарделась и смутилась, как девочка; вид у нее был такой, словно она бог весть что натворила. Я — ни гугу.

— Франци, — спросила она немного погодя, — ты получил мое письмо?

— Какое письмо? — удивился я. — Ты мне пишешь чертовски редко.

Мартичка оторопело уставилась на меня и с облегчением вздохнула.

— Наверное, я забыла его послать, — сказала она и, порывшись в сумочке, извлекла слегка помятый листок, начинавшийся словами «Милый Франци!» Я мысленно улыбнулся: видимо, Артур уже вернул ей это письмо.

Больше на эту тему не было сказано ни слова. Я, разумеется, стал рассказывать Мартичке о Гуго Мюллере, который ее так интересовал. Она, наверное, и поныне уверена, что я так и не получил от нее никакого письма.

Вот и все. С тех пор мы живем мирно. Не идиот ли я был, скажи, пожалуйста, что так дико ревновал жену? Теперь я, конечно, стараюсь вознаградить ее. Только после того письма я понял, как она заботится обо мне, бедняжка. Ну, вот, я и рассказал тебе все. Знаешь, собственной глупости человек стыдится даже больше, чем греха.

А весь этот случай — классический пример того, каким бесспорным доказательством является полнейшая и неожиданная случайность.

Приблизительно в это же время молодой человек, именуемый Артуром, сказал Мартичке:

— Ну как, девочка, помогло то письмо?

— Какое, мой дорогой?

— То, что ты послала мужу как бы по рассеянности.

— Помогло, — сказала Марта и задумалась. — Знаешь, мой мальчик, мне даже стыдно, что теперь Франци так беспредельно верит мне. С тех пор он со мной так добр. А то письмо он все еще носит на груди. — Марта вздрогнула. — Вообще говоря... это ужасно, что я его так обманываю, а?

Но Артур был другого мнения. По крайней мере он сказал, что все это вовсе не так ужасно.

Карел Чапек Деньги

Ему опять стало плохо: едва он съел несколько ложек супа, как все тело охватила сильная слабость, голова закружилась, на лбу выступил холодный пот. Отставив тарелку, он подпер голову руками, упрямо отводя глаза от преувеличенно заботливого взгляда квартирохозяйки. Наконец она ушла, вздыхая, а он лег на диван отдохнуть, с испуганным вниманием прислушиваясь к жалобным голосам своего тела. Дурнота еще не прошла, Иржи казалось, что в желудке у него лежит камень, сердце билось быстро и неровно, слабость была такая, что даже лежа он обливался потом. Ах, если бы уснуть!

Через час постучалась квартирохозяйка. Телеграмма. Иржи вскрыл ее с опаской и прочитал "19. 10. 7 ч +34 приеду вечером Ружена". Он никак не мог понять, что это значит? Иржи через силу поднялся, снова перечитал цифры и слова и, наконец, понял телеграмма от Ружены, замужней сестры. Она приезжает сегодня вечером, значит, надо ее встретить. Наверное, собралась в Прагу за покупками... Он вдруг рассердился на женскую бесцеремонность, которая всегда причиняет столько хлопот. Шагая по комнате, он злился вечер испорчен! Лежать бы с книгой в руке на своей старой кушетке. Рядом приветливо гудит лампа... Зачастую такие вечера тянулись бесконечно, но сейчас, бог весть почему, Иржи показалось, что это были приятнейшие часы, исполненные покоя и мудрости. Пропавший вечер. Конец спокойствию! В приступе мальчишеской досады он разорвал злополучную телеграмму в клочки.

Вечером, когда в высоком сыром вокзальном зале Иржи дожидался запоздавшего поезда, его охватила еще более глубокая тоска: вокруг только грязь и нужда да усталые лица ожидающих людей. Потом, в нахлынувшей толпе, он с трудом отыскал свою маленькую худенькую сестру. Глаза у нее испуганные, в руках большой чемодан. Иржи сразу понял: случилось что-то серьезное. Он посадил Ружену на извозчика и повез домой. Дорогой он вспомнил, что не позаботился о ночлеге для сестры, и спросил, не хочет ли она остановиться в гостинице, но в ответ услышал только всхлипывания. Какая уж туг гостиница, если женщина в таком состоянии! Иржи сдался, взял нервную, тонкую руку Ружены в свою и очень обрадовался, когда сестра, наконец, слабо улыбнулась ему.

Дома он рассмотрел ее внимательнее и ужаснулся. Измученная, дрожащая, глаза горят, губы пересохли. Сидя на кушетке среди подушек, которыми обложил ее Иржи, Ружена начала рассказывать. Брат попросил говорить потише, - ведь уже ночь.

- Я ушла от мужа! - торопливо говорила она. - Ах, если бы ты знал, Иржи, если бы ты знал, что я перенесла! Знал бы ты, как он мне противен! Я убежала и приехала к тебе за советом... - Она расплакалась.

Иржи мрачно расхаживал по комнате. Из рассказа сестры слово за словом, возникала картина ее жизни с мужем, человеком жадным, низменным, грубым, который оскорблял ее в присутствии служанки, унижал в спальне и отравлял жизнь дикими придирами; этот человек глупо растратил ее приданое, скупердяничал дома и наряду с этим позволял себе дорогие прихоти, порожденные его дурацкой ипохондрией... Иржи слышал историю мелочных попреков, унижения, жестокостей и напускного великодушия, злых ссор из-за насильственной любви и колкостей заносчивого глупца.

...Иржи ходил по комнате, задыхаясь от отвращения и сострадания, слушал нескончаемые излияния обид и муки, и в душе его росла безмерная, невыносимая боль. Перед ним маленькая, испуганная женщина, которую он никогда хорошо не знал, его своенравная, гордая и неугомонная сестренка. Какая она была прежде задорная, несговорчивая, как сердито вспыхивали ее глаза! А сейчас! У нее дрожат губы, она плачет и не может сдержать жалоб; она измучена, полна горечи. Иржи хочется погладить сестру по голове, но он не решается.

- Замолчи, - резко обрывает он. - Хватит, я все понял.

Но разве ее удержишь!

- Дай мне выговориться, - в слезах возражает Ружена, ведь ты один у меня.

И снова льется поток обвинений и жалоб, но более прерывистый, вялый, тихий. Подробности начинают повторяться, Ружене нечего больше рассказывать брату. Она умолкает на минуту, а потом спрашивает:

- Ну, а тебе как живется, Иржик?

- Что ж я? - бурчит Иржи. - Мне жаловаться не на что. Скажи лучше, ты к нему вернешься?

- Никогда! - взволнованно отвечает Ружена. - Это невозможно! Лучше умереть... Знал бы ты, что это за человек!

- Погоди, - уклоняется Иржи. - Ну, а что ты думаешь делать?

Ружена ждала этого вопроса.

- Я это уже давно решила, - оживленно начинает она. Буду давать уроки, или поступлю гувернанткой, или куда-нибудь на службу... или вообще. Вот увидишь, работать я сумею. Прокормлю себя. Ах, с какой радостью, Иржик, я возьмусь за любую работу! Ты мне посоветуешь, что делать. Сниму себе маленькую комнатку... Я так рада, так рада, что буду работать. Скажи, удастся ли мне где-нибудь устроиться.

Ей не сиделось, она вскочила и принялась ходить по комнате. Лицо ее пылало.

- Я все уже обдумала. Перевезу к себе ту старую мебель, что осталась после наших. Вот увидишь, как у меня будет уютно! Ведь мне ничего, ничего не надо, кроме покоя. Пусть я буду бедна, лишь бы не... Нет, мне ничего не надо от жизни, мне хватит самого малого, я всем буду довольна, лишь бы подальше... от всего этого... Я так рада, что начну трудиться... Сама буду себе шить и петь песни... Ведь я столько лет не пела! Ах, если бы ты знал, Иржик!

- Устроиться... - в сомнении размышлял брат. - Не знаю, может, и найдется какая-нибудь работа... Но... ты ведь не привыкла работать, Руженка, тебе будет трудно, да, да, трудно...

- Нет! - вспыхивает Ружена. - Ты не представляешь себе, что значит терпеть попреки из-за каждого куска, каждой тряпки, из-за всего!.. Вечно слышать, что я ничего не делаю, а только сорю деньгами. Я готова была швырнуть ему все эти платья, - так он меня извел. Нет, Иржик, ты увидишь, с какой охотой я буду трудиться, с какой радостью жить. Каждый кусок, заработанный своими собственными руками, станет для меня отрадой, пусть это будет даже сухой хлеб. Я оденусь в ситец, сама стану стирать и буду спать спокойно, с чистой совестью... Скажи, нельзя ли мне поступить на фабрику работницей? Если не найду ничего, пойду на фабрику. Ах, у меня так легко на душе!

Иржи взглянул на нее в радостном изумлении. О боже, сколько сердечной ясности, сколько мужества, несмотря на такую горькую жизнь! Ему стало стыдно собственной вялости и безразличия; заразившись восторгом этой странной, взволнованной женщины, он вдруг с любовью и радостью подумал и о своей работе. Ружена даже помолодела, она выглядит, как девушка, раздумянилась, возбуждена, по-детски наивна... Ах, все наладится, иначе быть не может!

- Устроюсь, вот увидишь, - говорит сестра. - Мне ни от кого ничего не надо. Прокормлю себя сама. Как-нибудь на еду и на букетик цветов я заработаю. А если не хватит на букетик, буду бродить по улицам и смотреть, что творится вокруг. Знал бы ты, как отраден мне весь мир с тех пор, как я... решила уйти. Как мне весело! Началась новая жизнь!..

Я и не представляла себе, как прекрасен мир! Ах, Иржи, со слезами восклицает она, - я так рада!

- Глупенькая, - блаженно усмехается Иржи. - Не так-то все это будет легко. Ладно, попробуем. А сейчас ложись спать, а то разболеешься. Теперь оставь меня одного, мне еще надо кое-что обдумать. Утром я тебе скажу. Ложись спать и не болтай...

Как он ни настаивал, ему не удалось уговорить сестру лечь в постель; Ружена, не раздеваясь, прилегла на кушетке, брат накрыл ее всем теплым, что у него нашлось, убавил огонь в лампе. Было тихо, слышалось только быстрое детское дыхание Ружены. Иржи осторожно открыл окно.

Стояла холодная октябрьская ночь; мирный высокий небосвод искрился звездами. Когда-то в родительском доме он и маленькая Ружена вот так же стояли у распахнутого окна. Сестренка вздрагивала от холода и жалась к брату. Дети ждали падающей звезды.

- Когда пролетит звездочка, - шептала Ружена, - я пожелаю стать мужчиной и прославиться!

В комнате спит отец, крепкий, точно ствол, даже здесь слышно, как поскрипывает постель под его мощным усталым телом. У Иржи тоже как-то празднично на душе, он тоже думает о великих и славных делах и с мужской серьезностью обнимает за плечи маленькую сестру, дрожащую от холода и волнения. Над садом падает звезда...

- Иржи! - слышен за спиной тихий голос Ружены.

- Сейчас, сейчас! - отзывается брат, ежась от прохлады и внутреннего волнения. "Да, да, надо свершить нечто великое, другого пути нет! - думает он. - Безумный, можешь ли ты свершить великое? Неси собственное бремя. А если жаждешь подвига, носи еще и чужое. Чем тяжелее бремя, которое ты несешь, тем более велик твой подвиг. Ничтожный, ты падаешь под собственным бременем? Встань и помоги встать другому. Только так ты должен поступить, чтобы не упасть!"

- Иржи! - вполголоса зовет Ружена.

Брат оборачивается к ней.

- Слушай, - нерешительно начал он, - я думал над твоими словами. По-моему, тебе не найти подходящей работы... Вернее, работа-то найдется, да не такая, чтобы тебе хватило на жизнь... Это фантазия!

- Я удовольствуюсь любым заработком... - тихо сказала Ружена.

- погоди, ты ведь ничего не понимаешь в таких делах. Вот, послушай. У меня сейчас, слава богу, приличное жалованье, и я мог бы брать еще работу на дом. Иной раз я даже не знаю, как убить вечером время... В общем, я на свои заработки вполне проживу. А тебе я уступил бы проценты...

- Какие? - прошептала Ружена.

- Ну, с той доли наследства, что осталась мне от родителей. И проценты, которые на нее росли. Это получается... получается тысяча пять в год, нет, не пять, а только четыре. Понимаешь, это только проценты. Мне пришлось в голову уступить их тебе, вот и будет на что жить.

Ружена вскочила с кушетки.

- Быть не может! - воскликнула она.

- Не кричи, - проворчал Иржи. - Говорю же: это только проценты. Когда у тебя не будет нужды в деньгах, можешь не брать их из банка. Но сейчас, на первое время...

Ружена стояла ошеломленная.

- Да как же так, тебе-то что останется? - вырвалось у нее.

- Об этом ты не беспокойся, - сказал Иржи. - Я давно собираюсь взять вечернюю работу, да все стыдно было отнимать кусок у сослуживцев. Видишь ведь, как я живу: для меня только удовольствие чем-нибудь заняться по вечерам. Поняла? А эти деньги мне просто мешали. Так как, хочешь или нет?

- Хочу, - шепнула Ружена, на цыпочках подошла к брату, обняла и прижалась к его лицу своей мокрой щекой.

- Иржи, - тихо произнесла она, - мне и во сне ничего подобного не снилось. Клянусь, я от тебя ничего не хотела... но если ты такой хороший!

- погоди, - волнуясь, сказал он. - Дело совсем не в этом. Просто мне эти деньги не нужны. Ружена, когда человек доживает жизнь, он должен что-то сделать для своих близких. Но что именно, если ты одинок? Что ни делай, в конечном счете видишь самого себя, живешь, словно среди зеркал и, куда ни глянешь, всюду видишь только свое лицо, свою скуку, свое одиночество... Знала бы ты, что это такое! Не хочу распространяться о себе, но я так рад, что ты здесь, так рад, что все это произошло! Гляди, сколько там звезд! Помнишь, как мы однажды дома ждали падающей звезды?

- Не помню что-то, - сказала Ружена, подняв к нему бледное лицо; в холодном сумраке ее глаза сияли, как звезды. - Почему ты такой, Иржи?

Его даже слегка знобило от избытка чувств. Он погладил сестру по голове.

- Хватит о деньгах. Так хорошо, что ты пришла ко мне! О боже, как я рад! Словно окно открылось среди... среди этих зеркал! Понимаешь? Я все время был занят только собой, мне это так надоело, я так устал от самого себя! Как все это было бессмысленно! Помнишь, как падали тогда звезды и какое ты загадывала желание? Чего бы ты пожелала сейчас, если бы упала звезда?

- Чего мне желать? - ласково улыбнулась Ружена. Чего-нибудь для себя... Нет, и для тебя тоже: чтобы исполнилось и твое желание.

- У меня нет желаний. Ружена, я так рад, что избавился... Скажи, как ты устроишься? Завтра я найду тебе хорошую комнату. У меня окно выходит на двор: днем, когда нет звезд, вид довольно унылый. А тебе нужен простор, тебе нужен вид покрасивее...

Он увлекся и, бегая по комнате, рисовал ей будущее, восхищался каждой новой подробностью, смеялся, болтал, обещал. Жилье, работа, деньги - все будет! Главное начать жить по-новому. Иржи чувствовал, как во тьме блестят смеющиеся глаза сестры, как она следит за ним сияющим взглядом. Ему хотелось смеяться от радости на весь дом, он не умолкал, пока, наконец, утомленные счастьем и разговорами, они не стали затихать, полные усталости и взаимопонимания.

Наконец он уложил Ружену спать. Она не противилась его смешной материнской заботливости и не в силах была благодарить. Но поднимая глаза от пачки газет, где он искал объявления о сдаче комнат в наем, Иржи встречал взгляд сестры, исполненный восторга и безмерного ликования, и сердце его сжималось от счастья. Так он просидел до утра.

Да, это была новая жизнь! Приступы слабости и вялости у Иржи исчезли: он быстро съедал обед и бежал по бесчисленным адресам - с этажа на этаж - искать комнату для Ружены; возвращался он усталый, как охотничий пес, и счастливый, как жених, а вечерами сидел над сверхурочной работой и засыпал как убитый в восторге от хлопотливого дня. Пришлось, правда, удовольствоваться комнатой без вида, скверной комнатой с бархатной мебелью, к тому же безбожно дорогой. Иногда во время работы Иржи охватывала слабость, веки у него дрожали, в глазах темнело, холодный пот выступал на бледном лбу. Но он умел овладеть собой. Стиснув зубы, он клал голову на прохладную доску стола и упрямо твердил: держись, держись, ты должен держаться, ты живешь не только для себя!

И он действительно свежел со дня на день. Это была новая жизнь!

Но в один прекрасный день к Иржи явилась нежданная гостья, его вторая сестра Тильда, жена незадачливого мелкого предпринимателя; жили они где-то недалеко от Праги, и Тильда всегда навещала брата, когда приезжала в столицу, - она бывала здесь по торговым и хозяйственным делам. Зайдя к брату, она обычно сидела, опустив глаза, и тихими, скупыми фразами рассказывала о трех своих детях и о множестве домашних хлопот, словно на свете не могло быть других интересов.

Иржи ужаснулся, взглянув на сестру: она тяжело дышала, забота покрыла ее лицо паутиной морщинок.

При взгляде на обезображенные шитьем и работой руки Тильды сердце брата мучительно сжалось.

- Дети, слава богу, здоровы и ведут себя хорошо, отрывисто рассказывала сестра. - Да вот мастерская стоит, станки больше не нужны, приходится искать покупателя...

- И Ружена здесь?! - сказала она вдруг полувопросительным тоном, тщетно стараясь глядеть в глаза брату.

На какую бы вещь ни падал ее взгляд, всюду она видела то дыру в ковре, то драный чехол на мебели; обстановка в комнате была жалкая, запущенная, ветхая... "А ведь в самом деле, - подумал Иржи, - ни я, ни Ружена как-то не замечали этого". Он смутился и стал смотреть в сторону, стесняясь взгляда Тильды, ее неустанных глаз, медлительных, вечно озабоченных.

- Она сбежала от мужа, - вяло начала Тильда. - Говорит, что он ее мучил... Может и мучил, но... на все есть свои причины... Вот и у него была причина, - продолжала она, не дождавшись реплики брата. - Видишь ли, Ружена... Я и сама не знаю... - Сестра замолчала и уставилась на большую дыру в ковре. - Ружена - не хозяйка, - начала она после паузы. - Ну, конечно, детей у нее нет, заботиться не о ком. Но все-таки...

Иржи хмуро смотрел в окно.

- Ружена - мотовка, - выдавила из себя Тильда. - Делала долги, вот что. Ты заметил, какое у нее белье?

- Нет.

Тильда вздохнула и провела рукой по лбу.

- Знал бы ты, сколько оно стоит... Она, например, купит себе меха... тысячные! А потом их продает за сотню-другую, чтобы купить туфли. Счета от мужа прятала - и получались неприятности... Разве ты об этом не знаешь?

- Нет. Я с ним не разговариваю.

Тильда покачала головой.

- Видишь ли, он трудный человек, не спорю... Но если жена мужу даже белья никогда не починит, и он ходит весь драный, а сама одевается, как герцогиня... Да еще обманывает его, гуляет с другими...

- Перестань! - взмолился измученный Иржи.

Тильда грустно оглядела рваное покрывало на постели.

- А Ружена не предлагала тебе похозяйничать? - спросила она неуверенно. - Чтобы ты взял квартиру побольше, а она бы тебе стряпала?

У Иржи больно сжалось сердце. Об этом он до сих пор даже не подумал. Да и Ружена тоже! А как бы он был счастлив!

- Я и не хотел этого, - резко сказал он, едва владея собой.

Тильде, наконец, удалось поднять взгляд.

- Да и она бы, вероятно, не захотела. Тут у нее... этот офицер. Его перевели в Прагу. Потому она и сбежала сюда. Погналась за женатым. Этого она тебе тоже, конечно, не сказала?

- Тильда, - хрипло сказал Иржи, гневно глядя на нее, - ты лжешь!

У Тильды вздрагивали руки и щеки, но она пока не сдавалась.

- Увидишь сам, - запинаясь, возразила она. - Ты такой добряк. Я бы не сказала этого, если бы... если бы не жалела тебя. Ружена никогда тебя не любила. Она говорит, что ты...

- Уходи отсюда! - крикнул Иржи вне себя от гнева. Ради бога, оставь меня в покое!

Тильда медленно поднялась.

- Снял бы ты себе квартиру получше, Иржи, - невозмутимо продолжила она. - Погляди, как здесь грязно. Не оставить ли тебе корзиночку груш?

- Ничего мне не надо.

- Мне пора... У тебя тут такая темень... Ах, боже, Иржик... Ну, до свиданья!

Кровь стучала в висках у Иржи, в горле стоял комок. Он попытался работать, но, едва усевшись за стол, сломал от злости перо, вскочил и побежал к Ружене. Запыхавшись, он поднялся по лестнице и позвонил.

Открыла квартирная хозяйка. Жиличка, мол, ушла с утра. Передать ей что-нибудь?

- Ничего, - пробурчал Иржи и потащился домой, словно под тяжестью непосильного бремени. Дома он снова сел за стол, подпер голову руками и стал вчитываться в документы. Прошел час, но Иржи не перевернул ни одной страницы. Настали сумерки, в комнате стемнело, а он все еще не зажег света. В передней бодро и весело звякнул звонок, зашуршало платье, и в комнату вбежала Ружена.

- Спишь, Иржи? - ласково засмеялась она. - Как здесь темно! Да где же ты?

- Гм... я работал, - отчужденно сказал Иржи.

В комнате повеяло морозной свежестью и легким ароматом дорогих духов.

- Слушай... - весело начала Ружена.

- Я хотел зайти к тебе, - прервал он, - но подумал, что тебя, наверное, нет дома...

- Где же мне еще быть? - искренне удивилась она. - Ах, здесь так хорошо, Иржи! Я так люблю бывать у тебя!

Она вся дышала радостью, молодостью и счастьем.

- Поди посиди со мной, - попросила она и, когда брат уселся рядом с ней на кушетке, обняла его и повторила. - Я очень люблю бывать у тебя, Иржик!

Он прижался щекой к холодному меху ее шубки, чуть влажному от осеннего тумана, и пока сестра легонько баюкала его, думал: "Не все ли равно, где она была? Зато она сразу же пришла ко мне". И сердце у него замирало и сжималось от странной смеси чувств - острой скорби и сладостного томления.

- Что с тобой. Иржик? - испуганно спросила она.

- Ничего, - сказал он, убаюканный. - Заходила Тильда.

- Тильда! - ужаснулась Ружена и, помолчав, сказала: Пусти!.. А что она говорила?

- Ничего.

- А обо мне говорила? Плохое что-нибудь?

- Так, кое-что...

Ружена разразилась злыми слезами.

- Подлая женщина! От нее хорошего не жди! Виновата я разве, что им плохо живется? Она наверняка разнюхала, что ты мне помог. Вот и притащилась! Живи они лучше, Тильда и не вспомнила бы о тебе! Как это низко! Все только для себя... и для своих противных детей...

- Хватит об этом! - попросил Иржи.

Но Ружена не унималась.

- Ей хочется испортить мне жизнь! - плакалась она. Только-только все стало налаживаться... а эта Тильда тут как тут, поносит меня и хочет все отнять... Скажи, ты веришь тому, что она наболтала?

- Нет.

- Ведь я решительно ничего не хочу, кроме свободы. Разве у меня нет права хоть на капельку счастья? Мне так мало нужно, я тут так счастлива, и вот является она и...

- Не бойся, - сказал он, вставая, чтобы зажечь лампу.

Ружена тотчас перестала плакать. Брат пристально глядел на нее, словно видел впервые. Потупленный взгляд, вздрагивающие губы... Но как она молода и прелестна! Новое платье, шелковые чулки, перчатки туго обтягивают руки... Маленькие нервные пальцы перебирают бахрому рваного чехла на кушетке.

- Извини, - сказал Иржи со вздохом, - мне надо работать.

Ружена послушно встала.

- Ах, Иржи... - начала она и замолкла, не зная, что сказать. Прижав руки к груди, она стояла, как олицетворение испуга; губы у нее побелели, в бегающем взгляде было страдание.

- Не беспокойся, - лаконично сказал Иржи и взялся за перо.

На следующий день он до темноты сидел над бумагами. Он заставлял себя работать быстрее, но с каждой минутой в сознании нарастала мучительная тревога, рабочее настроение падало.

Пришла Ружена.

- Пиши, пиши, - шепнула она. - Я тебе не помешаю.

Она тихонько села на кушетку, но Иржи все время чувствовал на себе пристальный, беспокойный взгляд сестры.

- Что ж ты не зашел ко мне? - внезапно спросила она. Я сегодня весь день была дома.

Иржи угадал в этом признание, которое тронуло его. И, положив перо, повернулся к сестре. Она была в черном платье, похожая на кающуюся грешницу. Лицо ее казалось бледнее обычного, и даже издали было заметно, как озябли робко сложенные на коленях руки.

- У меня довольно холодно, - виноватым тоном проворчал он и попытался разговаривать с сестрой спокойно, не вспоминая о вчерашнем. Ружена отвечала покорно и нежно, тоном благодарной девочки.

- Ох, уж эта Тильда! - неожиданно вырвалось у нее. - Им потому не везет, что муж у нее просто идиот. Поручился за чужого человека, а потом пришлось за него платить. Сам виноват, надо было подумать о своей семье. Но что поделаешь, если он ничего не понимает! Держал коммивояжера, а тот его обобрал, и вообще он доверяет первому встречному... Ты знаешь, что его обвиняют в умышленном банкротстве?

- Я ничего не знаю, - уклонился от ответа Иржи.

Он понял, что она всю ночь обдумывала это, и ему стало как-то стыдно. Но Ружена не почувствовала тихого протеста брата: она разошлась, покраснелась и принялась выкладывать свои главные козыри.

- Они просили моего мужа помочь им. Но он навел справки и поднял их на смех... Дать им деньги, говорит, - все равно что выбросить. У них триста тысяч пассива... Дурак будет тот, кто вложит в их дело хоть геллер: все вылетит в трубу!

- Зачем ты говоришь это мне?

- Чтобы ты знал. - Она старалась говорить непринужденно. - Ведь ты такой добряк, чего доброго, дашь еще обобрать себя до нитки...

- Ты хорошая, - сказал он, не сводя с нее глаз.

Ружена напряглась, как натянутый лук. Ей, видно, очень хотелось сказать еще что-то, но смущал пристальный взгляд брата; побоявшись переборщить, она перевела разговор на другое и стала просить найти ей какую-нибудь работу, потому что она никому, никому не хочет быть в тягость. Она ограничит себя во всем, ей не нужна такая дорогая квартира...

"Вот сейчас, сейчас она, может быть, предложит вести у меня хозяйство..." Иржи ждал с бьющимся сердцем, но Ружена отвела взгляд к окну и переменила тему.

Через день пришло письмо от Тильды.

"Милый Иржи,

жаль, что мы расстались, так и не поняв друг друга. Если бы ты знал все, я уверена, ты по-другому отнесся бы и к этому письму. Мы в отчаянном положении. Но если мы сумеем заплатить сейчас 50 000, мы будем спасены, потому что у нашего дела надежное будущее и года через два оно будет приносить доход. Мы готовы дать тебе все гарантии на будущее, если ты нам сейчас одолжишь эту сумму. Ты стал бы нашим компаньоном и получал бы долю с прибылей, как только они будут. Приезжай поглядеть на наше предприятие и убедись своими глазами, что это верное дело. Познакомься с нашими детьми, увидишь, какие они милые и послушные, как прилежно учатся, и твое сердце не позволит тебе погубить их будущее. Помогни нам хотя бы ради них, ведь мы кровная родня, а Карел уже большой и смысленый, он многого достигнет в жизни. Извини, что я так пишу, мы все очень волнуемся и верим, что ты спасешь нас и будешь любить наших детей, ведь у тебя доброе сердце. Приезжай обязательно. Тильдочка, когда вырастет, охотно пойдет к тебе в экономки, вот увидишь, какая она славная. Если ты нам не поможешь, мой муж не переживет этого, и дети останутся нищими.

Привет тебе, дорогой Иржи, от твоей несчастной сестры Тильды.

P. S. Насчет Ружены ты говорил, что я вру. Мой муж будет в Праге и покажет тебе доказательства.

Ружена не заслуживает твоей великодушной поддержки, она позорит нас всех. Пусть лучше вернется к своему мужу, он ее простит, и пусть она не отнимает хлеб у невинных детей".

Иржи отшвырнул письмо. Ему было горько и противно. От работы, разложенной на столе, веяло отчаянной пустотой, душу переполняло отвращение. Он бросил все и пошел к Ружене, но уже на лестнице, у дверей, остановился, махнул рукой и отправился бродить по улицам. Увидя вдалеке молодую женщину в мехах, под руку с офицером, он, как ревнивец, побежал за ней, но оказалось, что это не Ружена. Иржи шел, заглядывая в ясные женские глаза, слышал смех, видел счастливых женщин, овеянных радостью и красотой.

Наконец, усталый, он вернулся домой. На кушетке лежала Ружена и плакала. На полу валялось раскрытое письмо Тильды.

- Какая подлая! - безутешно всхлипывала Ружена. - И как ей не стыдно! Она хочет обобрать тебя, Иржа, обобрать до нитки. Не поддавайся, не верь ни единому слову! Ты и представления не имеешь, до чего это лживая и жадная баба! За что она меня травит? Что я ей сделала? Из-за твоих денег... так меня... позорить. Ведь ей от тебя нужны только деньги! Это просто срам!

- У нее дети, Ружена, - тихо сказал Иржи.

- Не надо было заводить детей! - грубо воскликнула Ружена, давась слезами - Всегда она нас обирала, ей дороги только деньги! Она и замуж-то вышла по расчету, еще девчонкой хвалилась, что будет богата!.. Бессовестная, низкая, глупая!.. Ну, скажи, Иржи, что она за человек? Знаешь, как она держалась, когда им везло? Зажиревшая, спесивая завистница... А теперь хочет... отыграться на мне... Неужели ты допустишь, Иржи? Неужели выгонишь меня? Я лучше утоплюсь, а обратно не поеду!

Иржи слушал, опустив голову. Да, сейчас Ружена борется не на жизнь, а на смерть, отстаивает все - свою любовь, свое счастье... Она плачет от ярости, в ее голосе страстная ненависть и к Тильде и к нему, Иржи, который может лишить ее всего. Деньги! Это слово бичом хлестало Иржи каждый раз, когда Ружена произносила его; оно казалось ему гнусным, циничным, оскорбительным...

- Я не поверила, когда ты предложил мне деньги, - плакала Ружена. - Ведь они означают для меня свободу и все в жизни. Ты сам мне предложил эти проценты, Иржи. Не надо было предлагать, если ты собирался отнять их. А теперь, когда я так рассчитываю...

Иржи не слушал. Жалобы, выкрики, плач Ружены доносились до него, словно издалека. Он чувствовал себя безгранично униженным. Деньги, деньги и деньги! Да разве все дело в деньгах? Что же такое случилось, господи боже? Почему так отупела, ожесточилась замученная заботами хлопотливая мать Тильда? Почему скандалит другая сестра, почему очерствело его собственное сердце? Да разве в деньгах дело? Иржи с удивлением почувствовал, что способен и даже хочет оскорбить Ружену, сказать ей что-то злое, обидное, презрительное.

Иржи не слушал. Жалобы, выкрики, плач Ружены доносились до него, словно издалека. Он чувствовал себя безгранично униженным. Деньги, деньги и деньги! Да разве все дело в деньгах? Что же такое случилось, господи боже? Почему так отупела, ожесточилась замученная заботами хлопотливая мать Тильда? Почему скандалит другая сестра, почему очерствело его собственное сердце? Да разве в деньгах дело? Иржи с удивлением почувствовал, что способен и даже хочет оскорбить Ружену, сказать ей что-то злое, обидное, презрительное.

Он встал, полный решимости.

- погоди, - сказал он холодно. - Это ведь мои деньги. А я... - он сделал эффектный отрицательный жест, - я раздумал!

Ружена вскочила, в глазах у нее был испуг.

- Ты... ты... - запиналась она. - Ну, конечно... само собой разумеется, ты вправе... Прошу тебя, Иржи, ты, наверное, не понял меня... Я совсем не хотела...

- Ладно, - отрезал он. - Я сказал, что раздумал.

Молния ненависти сверкнула в глазах Ружены, но она закусила губу, опустила голову и вышла.

Назавтра к Иржи явился новый посетитель - муж Тильды, неуклюжий, краснолицый, застенчивый человек, с выражением какой-то собачьей покорности в лице и фигуре. Иржи был вне себя от стыда и злости и даже не сел, чтобы не предлагать сестре гостю.

- Что вам угодно? - спросил он безразличным, чиновничьим голосом.

Неуклюжий человек вздрогнул и с трудом проговорил:

- Я... я... то есть Тильда... посылает вам документы, которые вы хотели... - Он стал лихорадочно шарить по карманам.

- Ничего я не хотел! - Иржи отмахнулся.

Настала мучительная пауза.

- Тильда писала вам, шурин... - начал несчастный фабрикант, покраснев еще больше, - что наше предприятие... в общем... если вы захотите войти в долю...

Иржи упорно молчал, не желая выручать зятя.

- Собственно говоря... положение не такое уж плохое... Если бы вы захотели участвовать... короче говоря... у нашего дела есть будущее... и вы... как совладелец...

Дверь тихо отворилась - на пороге стояла Ружена. Она остолбенела, увидев мужа Тильды.

- В чем дело? - резко спросил Иржи.

- Иржи... - прошептала Ружена.

- У меня гость, - отрезал Иржи и повернулся к зятю. Пожалуйста, продолжайте.

Ружена не шевелилась. Муж Тильды обливался потом от стыда и страха.

- Вот... пожалуйста... эти бумаги... письма от ее мужа и другие... перехваченные...

Ружена схватилась за косяк.

- Покажите, - сказал Иржи и взял письма, словно собираясь просмотреть их, но скомкал в руке и протянул Ружене.

- На, возьми, - сказал он со злой усмешкой. - А теперь извини. И в банк за процентами больше не ходи. Не получишь.

Ружена молча отступила, лицо у нее стало пепельным. Иржи закрыл за ней дверь и сказал хрипло:

- Итак, вы говорили о вашем заводе.

- Да, у него самые лучшие перспективы... и если бы нашелся капитал... пока что, разумеется, без процентов...

- Слушайте, - бесцеремонно прервал его Иржи, - мне известно, что вы сами довели завод до краха. У меня есть сведения, что вы неосторожный и даже... даже не деловой человек.

- Я бы... я бы так старался... - бормотал зять, собачьими глазами глядя на Иржи, избегавшего его взгляда.

- Как же я могу вам доверять? - Иржи пожал плечами.

- Уверяю вас, что я высоко ценил бы ваше доверие... и всячески стремился бы... У нас дети, шурин!

Сердце Иржи сжалось от страшной, мучительной жалости.

- Приходите... через год! - закончил он последним усилием воли.

- Через год... о боже! - вздохнул Тильдин муж и в его потухших глазах показались слезы.

- Прощайте, - заключил Иржи, протягивая ему руку. Зять, не замечая ее, пошел к выходу и, натыкаясь на стулья, нащупал ручку двери.

- Прощайте... - надломленным голосом сказал он с порога, - и... спасибо вам.

Иржи остался один. Неимоверная слабость охватила его, пот выступил на лбу. Он собрал бумаги, все еще разложенные на столе, и позвал квартирохозяйку. Когда она вошла, он расхаживал по комнате, держась руками за грудь, и уже не помнил, что хотел сказать.

- Погодите, - воскликнул он, когда она уходила. - Если сегодня или завтра... или вообще когда-нибудь придет... моя сестра Ружена, скажите ей, что я нездоров и просил к себе никого не пускать.

Он лег на свою ветхую кушетку и устался на новую паутину, которая появилась в углу, у него над головой.

Карел Чапек

Рекорд

— Господин судья, — рапортовал полицейский вахмистр Гейда участковому судье Тучеку, — разрешите доложить: случай серьезного членовредительства... Черт побери, ну и жара!

— А вы располагаетесь поудобнее, — посоветовал судья.

Гейда поставил винтовку в угол, бросил каску на пол, снял португую и расстегнул мундир.

— Уф, — сказал он. — Проклятый парень! Господин судья, такого случая у меня еще не было. Взгляните-ка, — с этими словами вахмистр поднял тяжелый сверток, развязал узлы синего носового платка и вынул камень величиной с человеческую голову. — Вы только взгляните, — настойчиво повторил он.

— А что тут особенного? — спросил судья, тыча карандашом в камень. — Простой булыжник, а?

— Да к тому же увесистый, — подтвердил Гейда. — Итак, позвольте доложить, господин судья: Лисицкий Вацлав, девятнадцати лет, работающий на кирпичном заводе, проживающий там же... записали? — швырнул прилагаемый камень — вес камня пять килограммов девятьсот сорок девять граммов — во Франтишека Пудила, земледельца, проживающего в поселке Дольний Уезд, дом номер четырнадцать... записали? — попав Пудилу в левое плечо, в результате чего потерпевший получил повреждение сустава, переломы плечевой кости и ключицы, открытую рваную рану плечевых мышц, разрыв сухожилий и мышечного мешка... записали?

— Да, — сказал судья. — А что ж в этом особенного?

— Вы удивитесь, господин судья, — торжественно объявил Гейда, — когда я расскажу вам все по порядку. Три дня назад за мной послал этот самый Пудил. Вы его, впрочем, знаете, господин судья.

— Знаю, — подтвердил Тучек. — Мы его два раза притягивали к суду: один раз за ростовщичество, а другой... гм...

— Другой раз за недозволенные азартные игры. Так вот, у этого самого Пудила в усадьбе есть черешневый сад, который спускается к самой реке, как раз у излучины, где Сазава шире, чем в других местах. Итак, Пудил послал за мной — с ним, мол, случилось несчастье. Прихожу. Он лежит в постели, охает и ругается. Так и так, вчера вечером он будто бы вышел в сад и застиг на дереве какого-то мальчишку, который совал в карманы черешни. Этот Пудил за себя постоит. Он снял ремень, стащил мальчика за ногу и давай его полосовать. А тут кто-то и закричи ему с другого берега: «Оставь мальчишку в покое, Пудил!» Пудил немного близорук, наверное от пьянства. Посмотрел он на тот берег, видит, там кто-то стоит и глазееет на него. Для верности Пудил закричал: «А тебе что за дело, бродяга?» — и давай еще сильнее лупцевать мальчишку. «Пудил! — кричит человек на том берегу, — отпусти мальчишку, слышишь?» Пудил подумал: «Что он мне может сделать?» — и отвечает: «Подика ты к такой-то матери, дубина!» Только сказал он это, как почувствовал страшный удар в левое плечо и грохнулся наземь. А человек на том берегу кричит: «Вот тебе, скупердяй чертов!» И, представьте себе, Пудил даже встать не смог, пришлось его унести. Рядом с ним лежал этот булыжник. Ночью послали за доктором, тот хотел отправить Пудила в больницу, потому что у него разбиты все кости и левая рука навсегда изуродована. Но Пудил не согласился, ведь сейчас уборка урожая. Утром посылает он за мной и просит арестовать негодяя, который его изувечил. Ладно. Но когда мне показали этот камень, я прямо глаза вытаращил. Это булыжник с примесью колчедана, так что он даже тяжелее, чем кажется. Попробуйте. Я на глаз определил вес в шесть кило и ошибся только на пятьдесят один грамм. Швырнуть такой камень — это надо уметь! Пошел я посмотреть на сад и на реку. Гляжу: от того места, где упал Пудил — там примята трава, — до воды еще метра два, а река, господин судья, в излучине не уже четырнадцати метров. Я так и подпрыгнул, поднял крик и велел немедленно принести мне восемнадцать метров шпагата. Потом в том месте, где упал Пудил, вбил колышек, привязал к нему шпагат, разделся, взял в зубы другой конец веревки и переплыл на тот берег. И что бы вы сказали, господин судья: ее едва хватило. А ведь надо еще прикинуть несколько метров до насыпи, по которой проходит тропинка, где стоял Вацлав Лисицкий. Я три раза промерял — от моего колышка до тропинки ровно девятнадцать метров двадцать семь сантиметров.

— Милый человек, — возразил судья, — это же невозможно. Девятнадцать метров — такое громадное расстояние. Слушайте, может быть, он стоял в воде, посреди реки.

— Мне это тоже пришло в голову, — сказал Гейда. — Но дело в том, что в той излучине у самого берега обрыв и глубина больше двух метров. А в насыпи еще осталась ямка от этого камня. Насыпь-то выложена булыжником, чтобы ее не размывала вода, вот Лисицкий и вытащил один такой камень. Швырнуть его он мог только с тропинки, потому что из воды это невозможно, а на крутой насыпи он бы не удержался. А это значит, что он покрыл расстояние девятнадцать метров двадцать семь сантиметров. Представляете себе?

— Может быть, у него была праща? — неуверенно сказал судья.

Гейда укоризненно взглянул на собеседника.

— Господин судья, вы, наверное, не держали в руках пращи. Попробуйте-ка метнуть из нее шестикилограммовый камень! Для этого понадобилась бы катапульта. Я два дня возился с этим камнем: все пробовал метнуть его из петли, знаете, вот так — закрутить и кинуть с размаху. Ничего не выходит, камень вываливается из любой петли. Нет, господин судья, это было самое настоящее толкание ядра. И знаете, какое? Мировой рекорд, вот что! — воскликнул взволнованный Гейда.

— Да бросьте! — поразился судья.

— Мировой рекорд! — торжествуя повторил Гейда. — Спортивное ядро, правда, немного тяжелее, в нем семь кило. В нынешнем году рекорд по толканию ядра — шестнадцать метров без нескольких сантиметров. А до этого в течение девятнадцати лет рекорд держался на пятнадцати с половиной метрах. Только нынче какой-то американец — не то Кук, не то Гиршфельд толкнул почти на шестнадцать. Допустим, что шестикилограммовым ядром он мог бы покрыть восемнадцать, ну, девятнадцать метров. А у нас здесь на двадцать семь сантиметров больше. Господин судья, этот парень без всякой тренировки толкнул бы спортивное ядро не меньше, чем на шестнадцать с четвертью метров! Мать честная, шестнадцать с четвертью метров! Я давно занимаюсь этим спортом, господин судья, еще на войне ребята, бывало, звали меня на подмогу: «Гейда, забрось-ка туда ручную гранату!» Однажды во Владивостоке я состязался с американскими моряками и толкнул на

четырнадцать метров, а их судовой священник перекрыл меня на четыре сантиметра. В Сибири, вот где была практика! Но этот булыжник, господин судья, я бросил только на пятнадцать с половиной метров. Больше ни в какую! А тут девятнадцать метров! Черт побери, сказал я себе, надо найти этого парня, он поставит нам мировой рекорд. Представляете себе — перекрыть американцев!

— Ну, а что с тем Пудилом? — осведомился судья.

— Черт с ним, с Пудилом! — воскликнул Гейда. — Я объявил розыск неизвестного лица, поставившего мировой рекорд. Это в интересах всей страны, не правда ли? Поэтому я прежде всего гарантировал безнаказанность виновному.

— Ну, это уж зря, — запротестовал судья.

— Погодите. Безнаказанность при том условии, что он перебросит шестикилограммовый камень через Сазаву. Всем окрестным старостам я объяснил, какое это замечательное спортивное достижение, о нем, мол, будут писать во всех газетах мира, а рекордсмен заработает кучу денег. Вы бы видели, что после этого началось! Все окрестные парни бросили жать, сбегались к насыпи и давай швырять камни на тот берег. Там уже не осталось ни одного булыжника. Теперь они разбивают межевые камни и каменные ограды, чтобы было чем кидать. А все деревенские мальчишки только тем и заняты, паршивцы, что кидают камнями, пропасть кур перебили... А я стою на насыпи и наблюдаю. Ну, конечно, никто не докинул дальше, чем до середины реки... Наверно, уже русло наполовину засыпали.

Вчера вечером приводят ко мне того парня, что будто бы угостил Пудила булыжником. Да вы его увидите, он ждет здесь. «Слушай, Лисицкий, — говорю я ему, — так это ты бросил камнем в Пудила?» — «Да, — отвечает он, — Пудил меня обляял, я осерчал, а другого камня под рукой не было...» — «Так вот тебе другой такой же камень, — говорю я, — кинь его на тот берег, а если не докинешь, я тебе покажу, голубчик, где раки зимуют». Взял он камень, — ручищи у него, как лопаты, — стал на насыпи и размахнулся. Я наблюдаю за ним: техники у него никакой, о стиле броска понятия не имеет, руками и корпусом не работает. И все же махнул камень на четырнадцать метров! Это очень прилично, однако же... Я его поучаю: «Ты, недотепа, надо стать вот так, правое плечо назад, и, когда бросаешь, сделать замах этим плечом. Понял?» — «Понял», — говорит он, скривившись как Ян Непомуцкий, и бросает камень... на десять метров.

Тут я расвирепел, понимаете ли. «Ты, бродяга, — кричу на него, — разве это ты попал камнем в Пудила? Врешь!» — «Господин вахмистр, — отвечает он, — бог свидетель, я в него угодил! Пускай Пудил встанет там еще раз, я ему, собаке, снова влеплю». Я бегу к Пудилу, объясняю, что речь идет о мировом рекорде, прошу, чтобы он пошел на берег и опять ругнул этого парня, а тот в него кинет камнем. Куда там, вы не поверите, Пудил ни в какую. У этих людей совсем нет высоких идеалов...

Я опять к Лисицкому. «Ты обманщик, — кричу на него, — это вранье, что ты изувечил Пудила. Пудил сказал, что это не ты». — «Врет он, — отвечает Лисицкий, — это я». — «Докажи, — требую я, — добрось туда камень». А он почесывается и смеется: «Господин вахмистр, зря не умею. А в Пудила попаду, я на него зол». — «Слушан, — уговариваю я его, — если докинешь камень, отпущу тебя по-хорошему. Не докинешь — пойдешь в кутузку за нанесенье увечья. Полгода отсидишь». — «Ну и пусть, если зимой», — отвечает он. Тут я его арестовал именем закона. Он сейчас ждет здесь, в сенях. Господин судья, добейтесь от него, правда ли он бросил камень, или только бахвалится. Наверное он, бродяга, отопрется. Тогда надо припаять ему хоть месяц за обман властей или за мошенничество. В спорте не должно быть обмана, за это надо строго карать, господин судья. Я его сейчас приведу.

— Так это вы Вацлав Лисицкий? — сурово спросил судья, воззрившись на белобрысого арестанта. — Признаетесь вы в том, что с намерением совершить членовредительство бросили этим камнем во Франтишека Пудила и нанесли ему серьезное увечье?

— Господин судья, — заговорил парень, — дело было так: Пудил там молотил мальчишку, а я ему кричу через реку, чтобы бросил, а он давай меня честить...

— Бросили вы этот камень или нет? — рассердился судья.

— Бросил, — сокрушенно ответил парень. — Да ведь он меня ругая, а я хватать тот камень...

— Проклятье! — воскликнул судья. — Зачем вы лжете, голубчик? Знаете ли вы, что ложные показания строго караются законом? Нам хорошо известно, что не вы бросили этот камень.

— Извиняюсь, бросил, — бормотал парень, — так ведь Пудил-то меня послал... знаете куда?

Судья вопросительно посмотрел на вахмистра Гейду. Тот беспомощно пожал плечами.

— Разденьтесь! — гаркнул судья на арестанта. — Быстро! И штаны тоже!

Через минуту верзила стоял перед ним в чем мать родила и тряся от страха, думая, что его будут пытать — для того и велели раздеться.

— Взгляните, Гейда, на его дельтовидную мышцу, — сказал судья. — И на двуглавую. Что вы скажете?

— Недурны, — тоном знатока отозвался Гейда. — Но брюшные мышцы недостаточно развиты. А для толканья ядра требуются мощные брюшные мышцы, господин судья. Они вращают корпус. Взглянули бы вы на мои брюшные мышцы!

— Нет, все-таки живот неплох, — бормотал судья. — Вот это живот. Вон какие бугры. Черт возьми, вот это грудная клетка! — И он ткнул пальцем в рыжие заросли на груди подсудимого. — Но ноги слабы. У этих деревенских всегда слабые ноги.

— Потому что они не тренируются, — критически заметил Гейда. — Разве это ноги? У метателя ядра ноги должны быть одно загляденье.

— Повернитесь! — крикнул судья на парня. — Ну, а какова, по-вашему, спина?

— Наверху от плеч хороша, — заявил Гейда, — но внизу ерунда, просто пустое место. В таком корпусе не может быть мощного замаха. Нет, господин судья, он не бросал камня.

— Одевайтесь! — рявкнул судья на Лисицкого. — Вот что, в последний раз: бросили вы камень или нет?

— Бросил! — с ослиным упрямством твердил парень.

— Идиот! — крикнул судья. — Если вы бросили камень, значит вы совершили членовредительство, и за это краевой суд упечет вас на несколько месяцев в тюрьму. Бросьте дурачить нас и признайтесь, что все это выдумка. Я дам вам только три дня за обман должностных лиц, и отправляйтесь восвояси. Ну так как же: бросили вы камнем в Пудила или нет?

— Бросил, — насупившись, сказал Вацлав Лисицкий. — Он меня с того берега крыл почему зря...

— Уведите его, — закричал судья. — Проклятый обманщик!

Через минуту Гейда снова просунул голову в дверь.

— Господин судья, — сказал он мстительно, — припаяйте ему еще за порчу чужого имущества: он вынул булыжник-то из насыпи, а теперь, там не осталось ни одного камешка.

1928

Карел Чапек

Гибель дворянского рода Вотичских

В один прекрасный день в кабинет полицейского чиновника д-ра Мейзлика вошел озабоченный человек в золотых очках.

— Архивариус Дивишек, — представился он. — Господин Мейзлик, я к вам за советом... как к выдающемуся криминалисту. Мне говорили, что вы умеете... что вы особенно хорошо разбираетесь в сложных случаях. А это чрезвычайно загадочная история, — заключил он убежденно.

— Рассказывайте же, в чем дело, — сказал Мейзлик, взяв в руки блокнот и карандаш.

— Надо выяснить, — воскликнул архивариус, — кто убил высокородного Петра Берковца, при каких обстоятельствах умер его брат Индржих и что произошло с супругой высокородного Петра Катержикой.

— Берковец Петр? — задумался Мейзлик. — Что-то не припомню, чтобы к нам поступал акт о его смерти. Вы хотите официально поставить нас в известность об этом?

— Да нет же! — возразил архивариус. — Я к вам только за советом, понимаете? Видимо, у них там произошло нечто ужасное.

— Когда произошло? — пришел ему на помощь Мейзлик. — Прежде всего прошу сообщить точную дату.

— Ну, дата ясна: тысяча четыреста шестьдесят пятый год, — отозвался Дивишек, укоризненно воззрившись на полицейского следователя. — Это вы должны бы знать, сударь. Дело было в царствование блаженной памяти короля Иржи из Подебрад.

— Ах, так!... — сказал Мейзлик и отложил блокнот и карандаш. — Вот что, мой друг, — продолжал он с подчеркнутой приветливостью — Ваш случай больше относится к компетенции доктора Кноблоха, нашего полицейского врача. Я его приглашу сюда, ладно?

Архивариус приуныл.

— Как жаль! — сказал он. — Мне так рекомендовали вас! Видите ли, я пишу исторический труд об эпохе короля Иржи Подебрада и вот споткнулся, — да, именно споткнулся! — на таком случае, что не знаю, как и быть

«Безвредный», — подумал Мейзлик.

— Друг мой, — быстро сказал он, — боюсь, что не смогу вам помочь. В истории я очень слаб, надо сознаться.

— Это упущение с вашей стороны, — строго заметил Дивишек. — Историю вам надо бы знать. Но если даже вы непосредственно не знакомы с соответствующими историческими источниками, сударь, я изложу вам все известные обстоятельства этого дела. К сожалению, их немного. Прежде всего имеется письмо высокородного Ладислава Пхача из Олешной высоко родному Яну Боршовскому из Черчан. Это письмо вам, конечно, известно?

— Простите, нет, — сокрушенно признался Мейзлик тоном неуспевающего ученика.

— Что вы говорите! — возмутился Дивишек. — Ведь это письмо еще семнадцать лет назад опубликовал историк Шебек в своих «Извлечениях». Хоть это вам следовало бы знать. Но только, — добавил он, поправив очки, — ни Шебек, ни Пекарж, ни даже Новотный, в общем, никто не уделил письму должного внимания. А ведь именно это письмо, о котором вам следовало бы знать, навело меня на след

— Ага, — сказал Мейзлик. — Что же дальше?

— Итак, прежде всего о письме, — продолжал архивариус. — У меня, к сожалению, нет с собой полного текста, но нам важны только несколько фраз, которые относятся к данному делу. Дворянин Ладислав Пхач сообщает в нем дворянину Боршовскому, что его, то есть Боршовского, дядя, высокородный Ешек Скалицкий из Скалице, не ожидается при дворе в Праге, в этом, то есть в тысяча четыреста шестьдесят пятом году, поскольку, как пишет автор письма, «после тех недостойных деяний в Вотице Веленовой его милость король лично повелел, чтобы высокородный Ешек Скалицкий ко двору королевскому более не являлся, а предался молитвам и покаянию за свою вспыльчивость и уповал на правосудие божие». Теперь вы понимаете? — втолковывал архивариус Мейзлику. — Мы бы сказали, что его милость король тем самым наложил опалу на высокородного Ешека и сослал его в собственную сего дворянина вотчину. Не кажется ли это вам странным, сударь?

— Пока что нет, — сказал Мейзлик, выводя карандашом на бумаге замысловатые спирали.

— Ага! — торжествующе воскликнул Дивишек. — Вот видите, и Шебек тоже не нашел в этом ничего особенного. А ведь очень странно, сударь, то обстоятельство, что его королевская милость не вызвал дворянина Ешека — каковы бы ни были проступки последнего — на обычный светский суд, а предоставил его правосудию божьему. Король ясно дал этим понять, — почтительно произнес архивариус, — что проступки эти такого свойства, что сам государь изымает их из ведения светского правосудия. Если бы вы побольше знали о его королевской милости Иржи Подебраде, вы бы сразу поняли, что это исключительный случай, ибо блаженной памяти король всегда неукоснительно придерживался строгого соблюдения законов.

— Может быть, он побаивался дворянина Ешека? — заметил Мейзлик. — Во времена его правления это случалось...

Архивариус возмущенно вскочил.

— Что вы говорите, сударь! Чтобы король Иржи боялся кого-нибудь! Да еще простого дворянина!

— Значит, у Ешека была протекция, — заметил Мейзлик. — Сами знаете, даже у нас...

— Никакой протекции! — вскричал Дивишек, покраснев. — О протекции может идти речь, когда мы говорим о правлении короля Владислава, а при Иржи Подебраде... Нет, сударь, при нем протекция не помогала! Он бы вас выгнал. — Архивариус немного успокоился. — Нет, никакой протекции быть не могло! Очевидно, сами недостойные деяния были таковы, что его королевская милость препоручил виновного божьему правосудию.

— Что же это были за деяния? — вздохнул Мейзлик.

Архивариус удивился.

— Именно это вы и должны установить. Ведь вы криминалист. Для этого я к вам и пришел.

— Ради бога... — запротестовал Мейзлик, но посетитель не дал ему договорить.

— Прежде всего вы должны познакомиться с фактами, — сказал он наставительно. — Итак, обратив внимание на туманное указание письма, я поехал в Вотице искать следы упомянутых недостойных деяний. Там, однако, о них не сохранилось никаких записей. Зато в местной церкви я обнаружил могильную плиту дворянина Петра Берковца, и эта плита, сударь, датирована как раз тысяча четыреста шестьдесят пятым годом! А Петр Берковец был, видите ли, зятем дворянина Ешека

Скалицкого, он женился на его дочери Катержине. Вот фотография с этого камня. Вы не замечаете ничего особенного?

— Нет, — сказал Мейзлик, осмотрев снимок с обеих сторон; на могильной плите была высечена статуя рыцаря со скрещенными на груди руками. Вокруг него шла надпись готическим шрифтом. — Пойдите-ка, вот тут, в углу, отпечатки пальцев!...

— Это, наверное, мои, — сказал архивариус. — Но обратите внимание на надпись!

— «Anno Domini MCCCCLXV», — с трудом разобрал Мейзлик. — «Год от рождения Христова тысяча четыреста шестьдесят пятый». Это дата смерти того дворянина, не так ли?

— Разумеется. А больше вы ничего не замечаете? Некоторые буквы явно чуть покрупнее других. Вот поглядите.

И он быстро написал карандашом «Anno DOMiniMCCcLXV».

— Мастер нарочно сделал буквы O, C и C побольше. Это криптограмма, понимаете? Напишите-ка эти буквы подряд — OCC. Вам ничего не приходит в голову?

— OCC, OCC, — бормотал Мейзлик. — Это может быть... ага, это сокращение слова «occisis» — «убит», а?

— Да! — торжествующе вскричал архивариус. — Мастер, сделавший могильную плиту, хотел сообщить потомству, что высокородный Петр Берковец из Вотиче Веленовой был злодейски умерщвлен. Вот что!

— А убийца — его тесть, тот самый Ешек Скалицкий! — провозгласил Мейзлик по внезапному историческому наитию.

— Чушь! — пренебрежительно отмахнулся Дивишек. — Если бы высокородный Ешек убил высокородного Берковца, его милость король предал бы убийцу уголовному суду. Но слушайте дальше, сударь. Рядом с этой надгробной плитой лежит другая, под ней покоится Henricus Berkovec de Wotice Welenowa, то есть брат высокородного Петра. И на этой плите высечена та же дата: тысяча четыреста шестьдесят пятый год, только без всякой криптограммы. Рыцарь Индржих изображен на ней с мечом в руке. Мастер, видимо, хотел дать понять, что покойный пал в честном бою. А теперь объясните мне, пожалуйста, какова связь между этими двумя смертями.

— Может быть, тот факт, что Индржих умер в том же году, — просто чистая случайность? — неуверенно предположил Мейзлик.

— Случайность! — рассердился архивариус. — Сударь, мы, историки, не признаем никаких случайностей. Куда бы мы докатились, если бы допустили случайности! Не-ет, тут должна быть причинная связь! Но я еще не изложил вам все факты! Через год, в тысяча четыреста шестьдесят шестом году, почил в бозе высокородный Ешек из Скалице, и — обратите внимание! — его вотчины Скалице и Градек перешли по наследству к его двоюродному брату, уже известному нам дворянину Яну Боршовскому из Черчан. Вы понимаете, что это означает? Это означает, что дочери покойного, Катержины, которую, как известно каждому младенцу, в тысяча четыреста шестьдесят четвертом году взял себе в жены высокородный Петр Берковец, тоже уже не было в живых. По могильной плиты с именем высокородной Катержины нигде нет! Разрешите спросить вас, разве тот факт, что после смерти высокородного Петра мы не находим никаких следов и его супруги, это тоже случайность? Что? И это вы называете случайностью? Почему же нет могильной плиты? Случайно? Или дело тут именно в тех самых недостойных деяниях, из-за которых его милость король препоручил высокородного Ешека правосудию божьему?

— Вполне возможно, — уже не без интереса отозвался криминалист.

— Не возможно, а несомненно! — непререкаемо изрек Дивишек — А теперь все дело в том, кто же кого убил и как связаны между собой все эти факты. Смерть рыцаря Ешека нас не интересует, поскольку он пережил эти недостойные деяния. Иначе король Иржи не велел бы ему каяться. Нам надо выяснить, кто убил высокородного Петра, как погиб рыцарь Индржих, куда девалась высокородная Катержина и какое отношение имеет ко всему этому высокородный Ешек из Скалице.

— Погодите, — сказал Мейзлик. — Давайте-ка запишем всех участников:

1. Петр Берковец — убит.
2. Индржих Берковец — пал с оружием в руках, не так ли?
3. Катержина — бесследно исчезла.
4. Ешек из Скалице — препоручен правосудию божьему.

Так?

— Так, — помаргивая, сказал архивариус — Только надо бы говорить «высокородный Петр Берковец», «высокородный Ешек» и так далее. И так...

— Мы исключаем возможность, что Ешек убил своего зятя Петра Берковца, потому что в этом случае он угодил бы под суд присяжных...

— Предстал бы перед королевским судом, — поправил архивариус. — В остальном вы правы.

— Погодите, тогда, стало быть, остается только брат Петра — Индржих. Вернее всего это он убил своего братца...

— Исключено! — проворчал архивариус. — Убей он брата, его не похоронили бы в церкви, да еще рядом с убитым.

— Ага, значит, Индржих только подстроил убийство Петра, а сам пал в какой-то схватке. Так?

— А почему же тогда рыцарь Ешек попал в опалу за свою вспыльчивость? — возразил архивариус, беспокойно ерзая на стуле. — И куда делась Катержина?

— М-да, в самом деле, — буркнул Мейзлик. — Слушайте-ка, а ведь это сложный случай. Ну, а допустим так Петр застиг Катержину *in flagranti* [*на месте преступления (лат.)*] с Индржихом и убил ее на месте. Об этом узнает отец и в приступе гнева убивает своего зятя...

— Тоже не выходит, — возразил Дивишек. — Если бы рыцарь Петр убил Катержину за супружескую измену, ее отец одобрил бы такую расправу. В те времена на этот счет было строго!

— Погодите-ка, — размышлял Мейзлик. — А может быть, он убил ее просто так, в споре...

Архивариус покачал головой.

— Тогда она была бы похоронена честь честью; под могильной плитой. Нет, и это не выходит. Я, сударь, уже год ломаю голову над этим случаем, и ни в какую!

— Гм... — Мейзлик в раздумье разглядывал «список участников». — Экая чертовщина! А может быть, тут не хватает еще пятого участника дела?

— Зачем же пятый — укоризненно заметил Дивишек. — Вы и с четырьмя-то не можете разобратся...

— Ну, стало быть, один из двух — убийца Берковца: или его тесть, или его брат... Э-э, черт подери, — вдруг спохватился Мейзлик, — а что, если это Катержина?

— Батюшки мои! — воскликнул подавленный архивариус. — Я и думать об этом не хотел! Она — убийца, о господи! Ну и что же с ней потом случилось?

У Мейзлика даже уши покраснели от напряженной работы мысли.

— Минуточку! — воскликнул он, вскочил со стула и взволнованно зашагал по комнате. — Ага, ага, уже начинаю понимать! Черт подери, вот так случай! Да, все согласуется... Ешек здесь главная фигура!... Ага, круг замкнулся. Вот почему король Иржи... теперь мне все понятно! Слушайте-ка, он был голова, этот король!

— О да, — благоговейно подтвердил Дивишек. — Он, голубчик мой, был мудрым правителем.

— Так вот, слушайте, — начал Мейзлик, усаживаясь прямехонько на свою чернильницу. — Наиболее вероятная гипотеза следующая, я за нее голову даю на отсечение! Прежде всего надо сказать, что гипотеза, признаваемая приемлемой, должна включать в себя все имеющиеся факты. Ни одно самое мелкое обстоятельство не должно ей противоречить. Во-вторых, все эти факты должны найти свое место в едином и связном ходе событий. Чем он проще, компактнее и закономернее, тем больше вероятия, что дело было именно так, а не иначе. Это мы называем реконструкцией обстановки. Гипотезу, которая согласует все установленные факты в наиболее связном и правдоподобном ходе событий, мы принимаем как несомненную, понятно? — И Мейзлик строго взглянул на архивариуса. — Такова наша криминалистическая метода!

— Да, — послушно отозвался тот.

— Итак, факты, из которых нам нужно исходить, следующие. Перечислим их в последовательном порядке.

1. Петр Берковец взял себе в жены Катержину.

2. Он был убит.

3. Катержина исчезла, и могила ее не найдена.

4. Индржих погиб в какой-то вооруженной схватке,

5. Ешек Скалицкий за свою вспыльчивость попал в опалу.

6. Но король не предал его суду, следовательно, Ешек Скалицкий в какой-то мере был прав.

Таковы все наличные факты, не так ли?

Теперь далее. Из сопоставления этих фактов следует, что Петра не убивали ни Индржих, ни Ешек. Кто же еще мог быть убийцей? Очевидно, Катержина. Это предположение подтверждается и тем, что могила Катержины не обнаружена. Вероятно, ее похоронили где-нибудь, как собаку. Но почему же ее не предали обычному суду? Видимо, потому, что какой-то вспыльчивый мститель убил ее на месте.

Был это Индржих? Ясно, что нет. Если бы Индржих покарал Катержину смертью, старый Ешек, надо полагать, согласился бы с этим. С какой же стати король потом наказывал бы его за вспыльчивость? Таким образом, получается, что Катержину убил ее собственный отец в припадке гнева. Остается вопрос, кто же убил Индржиха в бою? Кто это сделал, а?

— Не знаю, — вздохнул подавленный архивариус.

— Ну, конечно, Ешек! — воскликнул криминалист. — Ведь больше некому. Итак, весь казус округлился, понятно? Вот, слушайте: Катержина, жена Петра Берковца... гм... воспылала, как говорится, греховой страстью к его младшему брату Индржиху...

— А это подтверждено документально? — осведомился Дивишек с живейшим интересом.

— Это вытекает из логики событий, — уверенно ответил д-р Мейзлик. — Я вам скажу так: причиной всегда бывают деньги или женщина, уж мы-то знаем! Насколько Индржих отвечал ей взаимностью, неизвестно. Но во всяком случае это и есть причина, побудившая Катержину отправить своего мужа на тот свет. Говорю вам прямо, — громогласно резюмировал Мейзлик, — это сделала она!

— Я так и думал! — пригорюнился архивариус.

— Но тут на сцене появляется ее отец, Ешек Скалицкий, в роли семейной Немезиды. Он убивает дочь, чтобы не отдавать ее в руки палача. Потом он вызывает на поединок Индржиха, ибо сей несчастный молодой человек в какой-то мере повинен в преступлении единственной дочери Ешека и в ее гибели. Индржих погибает в этом поединке... Возможен, разумеется, и другой вариант: Индржих своим телом закрывает Катержину от разъяренного отца и в схватке с ним получает смертельный удар. Но первая версия лучше. Вот они, эти недостойные деяния! И король Иржи, понимая, сколь мало суд человеческий призван судить такой дикий, но справедливый поступок, мудро передает этого страшного отца, этого необузданного мстителя, правосудию божьему. Хороший суд присяжных поступил бы также... Через год старый Ешек умирает от горя и одиночества... скорее всего в результате инфаркта.

— Аминь! — сказал Дивишек, благоговейно складывая руки. — Так оно и было. Король Иржи не мог поступить иначе, насколько я его знаю. Слушайте, а ведь этот Ешек — замечательная, на редкость цельная натура, а? Теперь весь случай совершенно ясен. Я прямо-таки все вижу воочию. И как логично! — в восторге воскликнул архивариус. — Сударь, вы оказали исторической науке ценнейшую услугу. Эта драма бросает яркий свет на тогдашние нравы... и вообще... — Исполненный признательности, Дивишек, махнул рукой. — Когда выйдут мои «Очерки правления короля Иржи Подебрада», я разрешу себе послать вам экземпляр, сударь. Вот увидите, какое научное истолкование я дам этому прискорбному случаю.

Через некоторое время криминалист Мейзлик действительно получил толстенный том «Очерков правления короля Иржи Подебрада» с теплым авторским посвящением. Мейзлик прочитал том от корки до корки, ибо — скажем откровенно — был очень горд тем, что сделал вклад в историческую науку. Но во всей книге он не обнаружил ни строчки о драме в Вотице. Только на странице 471, в библиографическом указателе, Мейзлик прочитал следующее: «Шебек Ярослав, „Извлечения из документов XIV и XV столетия“, стр. 213, письмо дворянина Ладислава Пхача из Олешпы дворянину Яну Боршовскому из Черчан. Особого внимания заслуживает интересное, научно еще не истолкованное упоминание о Ешеке Скалицком из Скалице.»